

Шимун Врочек

Высокий прыжок

Шимун Врочек
Высокий прыжок

«Автор»

2006

Врочек Ш.

Высокий прыжок / Ш. Врочек — «Автор», 2006

ISBN 978-5-457-22158-1

Героические советские подводники против Ктулху. Советская ядерная подлодка отправилась в район Северного полюса. Туда же направляются и американцы. Какую боевую задачу поставило перед моряками командование?

ISBN 978-5-457-22158-1

© Врочек Ш., 2006

© Автор, 2006

Шимун Врочек

Высокий прыжок

Охренть можно, думает старшина второй статьи Григорьев, глядя на гранату, которая только что (пряма, блин, щас!) выкатилась к его лицу. Граненая шишка, металлический шар в геометрически правильной фасовке каналов, лежит на расстоянии вытянутой руки – в принципе, можно дотянуться и прижать рычаг – только толку, увы, никакого. Насколько помнит старшина, а помнит он обшарпанный стенд с плакатом: граната ручная Ф-1, вскрытая по оси симметрии; кольцо, пороховой заряд, рычаг, выдернуть и прижать, радиус поражения 200 метров, надпись химическим карандашом «Костя – дегенерат» и стрелка к запалу, похожему на зеленый член в разрезе, – у него осталось секунды три. Потом долбанет так, что мало не покажется.

Два, считает старшина. В ту же секунду пол вздрагивает и слышен потусторонний жуткий скрежет. Это еще не граната. Это означает, что железная коробка, по недоразумению именуемая подводной лодкой К-3, опять задела край полыньи легким корпусом.

Правее Григорьева, в ожидании кровавой бани лежит «тарищ адмирал флота». Лицо у него белое, как простыня на просушке. Он выдыхает пар и смотрит. Видно, что перспектива превратиться в тонкий слой рубленого мяса, равномерно размазанный по отсеку, прельщает его не больше, чем простых матросов.

Судя по комплекции товарища адмирала – фарш будет с салцом.

Григорьев еще немного думает, потом подтягивает свои семьдесят килограмм на руках и укладывает животом на гранату. Еще один способ почувствовать себя полным идиотом. Граната упирается в желудок; холодит брюшные мышцы – это действует как слабительное. Старшина сжимает задницу, чтобы не обделаться. Страшно до чертиков. Почему-то как назло, ничего героического в голову не приходит, а из хорошего вспоминается только белый лифчик, обшитый гипюром. Дальше лифчика воображение не заглядывает, хотя явно есть куда. Обидно.

Один, считает старшина.

237 дней до

– Страшно, товарищ адмирал. У них лица живые.

До Васильева не сразу доходит.

– Что?

В трюме подлодки пляшут лучи фонарей. Маслянисто-черная жижа хлюпает под ногами – воды не так много, видимо, экипаж успел задраить поврежденные отсеки и умирал уже от удушья. Семь лет. Васильев идет за лейтенантом, который говорил про лица. Пропавшая без вести С-18. Лодка в открытом море получила отрицательную плавучесть и легла на дно – если бы не это, у моряков оставался бы шанс. Всплыть они не смогли; хотя насосы главных цистерн еще работали, и электроэнергия была. Проклятое дно держало, как присоска.

– Товарищ адмирал!

Луч фонаря выхватывает из темноты надпись на столе. Царапины на мягком алюминии сделаны отверткой – она лежит рядом.

«Будь прокляты те, кто научил нас пользоваться ИДА»

Рядом сидит, прислонившись к койке, человек в черной робе. На нем аппарат искусственного дыхания. Теперь адмирал понимает, что означает надпись. Лодку нашли спустя семь лет после гибели – а неизвестный матрос до последнего ждал спасения. Они стучали

в переборки, чтобы подать сигнал спасателям. Они пытались выйти через торпедные аппараты. Глубина почти триста метров – значит, шансов никаких. Но они продолжали надеяться – и продлевали агонию.

Если бы тогда, в пятьдесят втором, лодку удалось найти, думает Васильев. Черт.

Ничего. Не было тогда технических средств для спасения экипажа С-18. Ее и сейчас-то удалось поднять с огромным трудом, чуть ли не весь Северный флот подключили...

Под ногами плещется вода с дизтопливом и нечистотами. Адмирал прижимает платок к носу.

«Будь прокляты те...»

Лейтенант резко останавливается – Васильев едва не втыкается ему в спину.

– Что?

Лейтенант присаживается на корточки и переворачивает очередное тело. Светит фонарем. Потом лейтенант смотрит вверх, на Васильева и говорит:

– Видите, товарищ адмирал?

Васильев смотрит и невольно отшатывается.

Молодой безусый матрос – из какой-то русской глубинки. Русые волосы в мазуте. Адмирал чувствует дурноту: матрос уже семь лет, как мертв, но у него розовое лицо с легким румянцем и никаких следов тления.

Он выглядит спящим.

146 дней до

Подводникам положены жратва от пуза и кино пять раз в неделю. А еще им положено отвечать на idiotские вопросы начальства.

– Объясните мне, мать вашу, как можно погнуть перископ?!

– Легко, – отвечает командир.

Григорьев, наделенный сверхчеловеческим чутьем, делает шаг назад и оказывается за колонной. Это перископ в походном положении. Отсюда старшина все видит и слышит – или ничего не видит и не слышит, в зависимости от того, как повернется ситуация. Судя по напряженным спинам акустика и радиста, они пришли к такому же решению.

– Так, – говорит Васильев и смотрит на капитана Меркулова. Старшину он не замечает.

– Я понимаю, – ядовито продолжает адмирал, – что вам перископ погнуть – нефиг делать, товарищ каперанг. Но мне все же хотелось бы знать, как вы это провернули?

– Очень просто, – говорит Меркулов невозмутимо. Потом объясняет товарищу адмиралу, что наши конструкторы, как обычно, перестарались. Заложенные два реактора (вместо одного, как у американцев на «Наутилусе») дают избыточную мощность, и лодка вместо расчетных 25 узлов подводного хода, на мощности реактора 80 % выжимает все 32.

– Разве это плохо? – говорит Васильев.

– У вас есть автомобиль, товарищ адмирал?

Васильев выражает вежливое недоумение: почему у представителя штаба флота, заслуженного подводника, члена партии с 1939 года, не должно быть автомобиля?

– Представьте, товарищ адмирал флота, – говорит Меркулов, – стоите вы на переезде, и тут слева приближается гул, который переходит в рев, свист и грохот, а потом мимо вас на скорости шестьдесят километров в час пронесется черная «дура» длиной в стадион и массой под четыре тыщи тонн.

Старшина Григорьев стремительно опухевает, но изображает невидимку. Этот спектакль покруче любого кино, и ему не хотелось бы лишиться места в первых рядах.

– Представили, товарищ адмирал? – спрашивает каперанг Меркулов. Васильев молчит, видимо, у него не такое живое воображение. «Ночевала тучка золотая, – некстати вспоминает старшина, – на груди утеса-великана».

На чело утеса-великана наплывает что-то явно тяжелее тучки. Такой грозовой фронт, что адмирал выглядит черным, как угнетенные жители колониальной Африки.

– Имеете в виду вашу лодку? – говорит адмирал наконец. Он уже произвел в уме нехитрые подсчеты, и все складывается: скорость тридцать узлов, длина больше ста метров и соответствующее водоизмещение. Не надо быть Эйнштейном, чтобы угадать в черной «дуре» лодку проекта 627.

– Имею в виду товарный поезд, товарищ адмирал флота. А теперь представьте, что ваша «победа» высунула морду на рельсы... Вот поэтому перископ и погнули, – заканчивает Меркулов.

Даже школьного образования Григорьева достаточно, чтобы понять – какой-то логической сцепки тут не хватает. И тем более понимает это адмирал Васильев, у которого за плечами военно-морская академия. И вообще, этот каперанг его достал.

– Не понял, – говорит адмирал сухо.

– Вода, – объясняет Меркулов. – Поверхность. Я приказал поднять перископ, чтобы не идти вслепую. А удар на скорости оказался очень сильным, его и согнуло... Потом еле выпрямили, чтобы погрузиться. Эх, надо было делать запасной, как у американцев.

Каперанг говорит про «Наутилус» – первую подводную лодку с атомным реактором. Американцы успели раньше, еще в пятьдесят пятом. В том же году вышло постановление Правительства о создании советской субмарины с ядерным двигателем. Но только сейчас, спустя четыре года, К-3 вышла на ходовые испытания. Первый советский атомоход.

Кстати, у «Наутилуса» действительно два перископа.

Зато можно сказать, что у Меркулова единственный профессиональный экипаж на весь Союз. Несколько лет подготовки – сначала на берегу, при Обнинской атомной станции, потом на макете лодки, а дальше на живой К-3, на стапелях и в море. И никаких сменных призывов. Впервые на флоте весь экипаж набран по контракту – одни сверхсрочники и опытные матросы. Меркулов костями лег, но выбил.

Проблем, конечно, все равно выше крыши.

Например, этот Васильев, больше известный как Дикий Адмирал. Приехал смотреть результаты ходовых испытаний.

Ну что ж, каперанг Меркулов может результаты предоставить.

На скорости выше пятнадцати узлов гидролокатор бесполезен.

На скоростях выше двадцати узлов от вибрации болят зубы и выкручиваются болты.

На скорости тридцать узлов появляется турбулентность, про которую раньше на подлодках и не слышали. Зато американские противолодочные корабли теперь К-3 не догонят – силенок не хватит. Зато нас слышно на весь мировой океан.

И вот тут мы погнули перископ, говорит Меркулов.

– Еще «бочки» эти дурацкие текут постоянно, – продолжает каперанг. Слушай, Дикий Адмирал, слушай. – На них уже живого места нет.

«Бочки» – это парогенераторы. Система трубопроводов первого и второго контура реактора. Под высоким давлением «бочки» дают течь, уровень радиации резко идет вверх. Появляется аварийная команда и заваривает трубы. И так до следующего раза.

«Грязная» лодка, говорит Меркулов.

– А потом мы открываем переборки реакторного отсека, чтобы снизить в нем уровень радиации.

– Черт, – говорит адмирал. У него в глазах потрескивают миллирентгены. Васильев нервничает: – И получаете одинаковое загрязнение по всей лодке?

– Совершенно верно, – спокойно отвечает командир К-3. – Ну, на то мы и советские моряки.

43 дня до

В кают-компании тепло и пахнет хорошим коньяком. Стены обшиты красным деревом, иллюминаторы в латунной окантовке. Мягкий свет плафонов ложится на стол, покрытый белой скатертью, и на мощный красивый лоб Главнокомандующего ВМФ.

Главнокомандующий хмурится и говорит:

– Я сам командовал кораблем и прекрасно знаю, что ни один командир не доложит об истинном положении вещей. Если ему ставят задачу, он будет выполнять ее любыми правдами и неправдами. Поэтому ты, Меркулов, молчи! О готовности лодки послушаем твоих офицеров.

А что их слушать, думает командир К-3, каперанг Меркулов. Мы тоже не дураки. На полюс идти надо, так что – пойдем. Лодку к походу готова. А говорить о неисправностях – только лишний раз подставляться... Выйдешь в море на нервах, да еще и ни черта не сделав.

Меркулов выслушивает доклады своих офицеров – на диво оптимистичные. Лодка готова, готова, готова.

Главнокомандующий расцветает на глазах. Как розовый куст в свежем навозе.

15 дней до

В надводном положении лодка напоминает серого кита: шкура пятнистая от инея, морда уродливая, характер скверный. Чтобы волнением не болтало, лодка принайтрована тро-сами. Вокруг лодки – суровая северная весна: лед, ветер и черная гладь воды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.